

Ли Цюань был из тех людей, у которых всё написано на лице.

Сперва он осторожно зачерпнул кистью крошечную, с горошину, каплю воды, но на раскалённом солнцепеке жидкость мгновенно впиталась в камень. Он попробовал снова. После нескольких неудачных попыток парень начал терять терпение: его смуглое лицо пошло багровыми пятнами, он раздражённо прикусил нижнюю губу и, отбросив осторожность, плеснул на тушечницу добрую пригоршню воды.

Разумеется, тушь тут же сделалась слишком жидкой. Цюань в отчаянии принялся неистово вращать бруском по камню, но брызги грязными кляксами полетели во все стороны, пачкая стол и едва не угодив на донесение, над которым трудился маркиз.

Перепугавшись до смерти, парень принялся размазывать чернила собственной ладонью вместо тряпки. Вскоре он весь взмок от пота и напряжения, а когда невольно утёр лоб — лицо покрылось чёрными и красными разводами. С этими перепачканными щеками и круглыми, испуганно поблёскивающими глазами он стал точь-в-точь похож на подзаборного пса у городских ворот.

Фань Ло отложил кисть, с интересом наблюдая за этим нелепым солдатом. Тот, ничего не замечая, даже прищурился и, поймав падавшее из окна сияние, уставился на исписанный лист. Он едва заметно шевелил губами, беззвучно проговаривая:

— Это, кажется... «верх»? А вот это... «десять»?

Генерал писал мелким, изящным уставом. Несмотря на тонкость линий, в каждом штрихе чувствовалась стальная твердость — иероглифы, казалось, пронзали бумагу насквозь.

— Грамоте обучен? — с сомнением спросил Фань Ло.

Ли Цюань кивнул, но тут же густо покраснел и замотал головой:

— В детстве по соседству жил книжник... Перехватил у него кое-что за пару дней, но знаю я немного.

Фань Ло внезапно смахнул в сторону официальные бумаги и расстелил перед собой чистый лист. Протянув кисть из волчьего волоса замершему солдату, он указал на его грудь:

— Имя. Уезд.

Цюань ошарашенно захлопал глазами. Лишь спустя мгновение до него дошёл приказ: неужели генерал хочет, чтобы он, подражая надписи на своей воинской бирке, вывел собственное имя и место рождения?

По законам Великой Цзинь каждый рекрут обязан был носить деревянную плашку с личными данными. Если в армии говорили «снять бирку» — это означало либо отставку, либо, что случалось чаще, путь в сырую землю.

Ли Цюань застыл в оцепенении. Он взял кисть, сжимая её в кулаке, точно корявую ветку — и бросить нельзя, и писать не выходит. «Неужели маркиз решил надо мной поиздеваться?» — промелькнула паническая мысль.

Он вскинул взгляд на командира. Но на точёном лице маркиза не было и тени насмешки — лишь ледяное спокойствие. Он смотрел на него глубокими, как омуты, тёмными глазами с каким-то странным, упрямым ожиданием.

Ли Цюань снова вспыхнул. Стиснув зубы, он отбросил всякое смущение. Не заботясь о правильном хвате, ведомый лишь природным упрямством, он сорвал с груди бирку и, склонившись над столом почти вплотную к генералу, принялся криво выводить знаки.

Капли пота стекали по загорелым щекам прямо на столешницу. Иероглифы выходили кособокими и дрожащими, словно извивающиеся гусеницы, но солдат старался изо всех сил, тщательно копируя каждый штрих с деревянной плашки.

Спустя минуту на листе красовались огромные, завалившиеся набок знаки: «Ли Цюань».

— Генерал, глядите! Вот моё имя! — выпалил он с какой-то детской гордостью. При наборе в армию он лишь поставил отпечаток пальца, никогда прежде не держа в руках кисти. Парень обернулся к Фань Ло, расплывшись в дурашливой улыбке.

В этот самый миг Ли Цюань вздрогнул. По его заду, ещё нывшему после недавней порки, внезапно разлилось густое, тяжёлое тепло — чья-то ладонь накрыла его ягодицы.

Маркиз оставался всё так же невозмутим. На застывшем лице не отражалось ни единой эмоции. Взгляд его был предельно сосредоточен, но теперь он смотрел не в лицо Цюаню, а на его зад, который тот невольно отставил назад, навалившись на стол.

Широкие ладони Фань Ло, покрытые мозолями от долгого владения «Чёрным Водяным Драконом», крепко сжали упругую плоть. Длинные пальцы, подсвеченные пламенем свечи, ритмично двигались, разминая пострадавшие мышцы.

Лицо Ли Цюаня мгновенно залила пунцовая краска. Он попытался отстраниться, но генерал с неожиданной силой придавил его к столу, лишая возможности шевельнуться. Сильные руки месили его тело, точно тесто; побитая кожа, покрытая синяками, отозвалась волной тупой боли.

— Г-г-генерал... Вы... Вы что это делаете? — простонал Ли Цюань, в испуге округлив глаза и

глядя на своего прекрасного, точно небожитель, господина.

Тот ответил коротко и честно:

— Кровь разгоняю.

«...»

Ли Цюаню хотелось провалиться сквозь землю. После порки действительно полагалось втирать мази и растирать ушибы, чтобы не было застоя крови... Но чтобы это делал сам маркиз?! Это не лезло ни в какие ворота.

Однако кошмар только начинался. Генерал кивнул на другой чистый лист и обронил ещё одно слово:

— Уезд.

Ли Цюань готов был убиться об стену. Значит, пока он не напишет, откуда родом, этот позор не закончится? В названии «уезд Ичжоу, деревня Гума» столько черточек, что и за ночь не выведешь!

Но приказ есть приказ.

Сидя точно на иголках, он принялся выводить штрих за штрихом. Тело била мелкая дрожь: тупая боль вперемешку с колючим, щекотным жаром заставляла его непроизвольно сжимать бедра.

Действия генерала тем временем становились всё более бесцеремонными. Его руки гуляли по крупу солдата, то сжимая плоть, то разглаживая её, а тонкие пальцы бесстыдно скользнули под край одежды, касаясь вздрагивающей поясницы.

Граница дозволенного осталась далеко позади. Даже такой тугодум, как Ли Цюань, понял — здесь что-то не так. Набравшись невесть откуда взявшейся смелости, он резко выпрямился, намереваясь пулей выскочить из шатра.

Но Фань Ло перехватил его одним отточенным движением. Схватив парня за бёдра, он рывком потянул его на себя, заставляя усесться прямо к себе на колени.

В отличие от утончённого лица, тело генерала было мощным и горячим; даже сквозь тонкую ткань исподнего Цюань чувствовал жар его мускулов. Но по-настоящему парень струхнул, когда ощутил между своих бедер нечто твёрдое и напряжённое. Он сглотнул, чувствуя, как во рту пересохло.

Раньше он служил в пограничных войсках. Дел там было немного, но солдаты месяцами томились без женщин. Старые вояки порой не выдерживали и выбирали себе для «разрядки» какого-нибудь смазливового юнца.

Ли Цюань знал об этом, но ему и в голову не могло прийти, что подобное случится с ним — человеком самой заурядной внешности!

— Генерал! Господин маркиз! — он судорожно вцепился в чужую руку, пытавшуюся развязать его пояс. — Я... я сейчас же! Прямо сейчас сбегая и найду вам походную девку!

Рука на его талии даже не дрогнула. Фань Ло наклонился к самому его уху, опалая кожу горячим дыханием:

— Грязно.

Маркиз всегда брал с собой в походы специального слугу для личных нужд, но едва они пересекли границу, тот получил ранение. Сдерживать же пламя в крови Фань Ло не привык.

Сам не зная почему, когда советник Фан предложил найти замену, маркиз первым делом вспомнил это глуповатое, заплаканное лицо простого солдата.

Захотел — и взял.

Пока Ли Цюань пребывал в замешательстве, Фань Ло уже сорвал с него пояс и скользнул ладонью между бёдер. В отличие от грубой кожи рук, внутренняя сторона бедер парня оказалась нежной и гладкой, как шёлк, что вызвало у генерала новый прилив желания.

— Г-господин... — Бедный солдат окончательно обезумел от страха. Он замер, не зная, что делать, лишь дрожал всем телом и плотнее сжимал ноги, словно это могло его спасти.

— Не бойся.

Он прикоснулся ледяными губами к его ушной раковине. В нахлынувшем мареве Цюаню послышалось:

— Завтра выступаем, так что я тебя не трону.

«...»

Лишь спустя долгое время до Ли Цюаня дошло, что это была самая длинная фраза, которую генерал адресовал ему за весь день.

Внезапно Фань Ло надавил ему на плечо, заставляя опуститься на колени.

Парень поднял голову. Перед его глазами, резко контрастируя с благородным ликом маркиза, предстал багровый, вздувшийся венами жезл, напоминающий разъярённую змею, на чьей голове уже выступили капли прозрачного яда...

Великий генерал Фань Ло сказал: «Не бойся, завтра в поход, я тебя не трону».

В империи Великая Цзинь мужская любовь была в почете: столичная знать тратила огромные суммы на содержание юношей-наложников. Ли Цюань, выросший в бедной семье, мало что смыслил в подобных изысках.

Впрочем, за годы службы он наслушался всякого и к плотским утехам между мужчинами относился без особого отвращения.

Но сейчас, глядя на это чудовищное достоинство, пульсирующее прямо перед его носом, он чувствовал лишь первобытный ужас.

Цюань знал, что его лицо не из тех, что разжигают страсть. Так почему же, едва попав в армию, усмиряющую дальние земли, он наткнулся на генерала с такими странными вкусами?

Дрожа, он упёрся руками в колени маркиза. В нос ударил резкий, тяжёлый мускусный запах. Видимо, воздержание в походе и впрямь затянулось слишком долго — едва Фань Ло спустил штаны, его плоть восстала, источая вожделение.

Ли Цюань сглотнул, глядя на него с мольбой:

— Г-господин генерал, я...

Широко раскрытые глаза солдата встретились с его взглядом. Крылья носа парня мелко подрагивали, он прикусил пухлую нижнюю губу. Горячее дыхание, коснувшееся напряжённого ствола, заставило Фань Ло издать глухой рык — его член стал ещё больше и тверже.

— Я не принуждаю.

Голос маркиза утратил прежнюю чистоту; теперь он звучал хрипло, точно гравий перекатывался в горле. Взглянув на коленопреклонённого парня, Фань Ло снова уткнулся в свои бумаги, не меняя позы.

Но прежде чем Ли Цюань успел вздохнуть с облегчением, генерал бросил ещё одну фразу. И от этих слов парня словно обдало ледяной водой.

— Ты — солдат. А я — твой командир.

Ли Цюань застыл. Он не отрываясь смотрел на безупречное, точно высеченное из нефрита лицо маркиза, и чувствовал, как кровь стынет в жилах.

Всё верно. Командир властвует над солдатом. Командир решает, кому жить, а кому умереть. Перед глазами Цюаня возник образ сестрёнки, которая повязала ему на руку красный шнурок на удачу...

Он до крови прикусил губу. Затем, вспомнив, что настоящий мужчина должен уметь и гнуться, и выпрямляться, он зажмурился и широко раскрыл рот, принимая в себя яростную змею.

<http://bllate.org/book/17414/1648650>